



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2016.3.1>

УДК 312.14

ББК 65.01

ЭТНОЭКОНОМИЧЕСКИЕ АРЕАЛЫ: РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ ДИЛЕММЫ «ИЗБЫТКА – НЕДОСТАТКА» ГОСУДАРСТВА¹

Николай Владимирович Гонтарь

Кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Южный федеральный университет
passat01@mail.ru
ул. Пушкинская, 160, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблематике развития этноэкономических ареалов как социально-экономических систем с особым устройством хозяйственной практики и социального взаимодействия. Во многом периферийный статус таких территорий определяет повышенное значение здесь государства. Меры государственного регулирования в этноэкономических ареалах приобретают характер дихотомии «избытка – недостатка (дефицита) государства». В сумме оба процесса формируют кумулятивный эффект закрепления периферийного статуса этноэкономических ареалов. Механизмы данного процесса выступают целью исследования. Посредством компаративистики российского и зарубежного опыта проанализированы сценарии реализации «избытка государства» в отношении этноэкономических ареалов, такие как ступенчатое вмешательство; бюрократическая рента (где возможны две стратегии – соискание ренты собственно бюрократическим аппаратом и соискание ренты посредством бюрократического аппарата); экспансия на стыке названных векторов вмешательства. Результаты анализа могут быть использованы для целей оптимизации управления общественными ресурсами в рамках государственного сектора в этноэкономических ареалах. В контексте задачи оптимизации государственной политики в отношении этноэкономических ареалов в качестве мер как нивелирования избытка государства, так и компенсации его дефицита в сферах, наиболее значимых для таких ареалов, предложены: объективизация доступа МСП к государственным заказам, создание условий для кооперации в производственной и финансово-кредитной сфере при одновременном исключении практики субсидирования и распределения. Здесь актуальны экспертиза эффективности мер регулирования на основе анализа затрат и потребительской востребованности таких мер. В части управления государственными средствами (штат, расходы, эффективность) возможна оценка эффективности управления на основе компаративистики с

компаниями по управлению коммерческими активами. Также предлагается использовать этнические особенности коллективного взаимодействия как компенсацию текущей рыночной слабости данных ареалов.

Ключевые слова: этноэкономика, этноэкономические ареалы, государственное регулирование, социально-экономическое развитие, Северный Кавказ.

Введение. Многообразие и сложность региональной мозаики России обуславливают потребность в структурированной и многоуровневой политике развития. Вместе с тем такая политика часто оперирует схематичными представлениями о ситуации «на местах», что не позволяет использовать ресурсы общества, управляемые государством, достаточно эффективно.

В ряду пространственных явлений, характеризующихся, с одной стороны, соответствием таким клише, как «периферийные экономики», с другой – отличающихся весьма заметной спецификой внутренних процессов, находятся регионы, где значимую часть экономики составляет так называемая этноэкономика. При этом описания данного феномена как «мелкотоварного производства», «натурального хозяйства», «традиционного хозяйственного уклада» недостаточны [12]. Важным элементом здесь является «этнос», характеризующий генезис и социальную форму локального хозяйственного уклада; также «этничность» позволяет учесть фактор культуры.

Относительно условий формирования этноэкономики Ю.С. Колесников (применительно к Северному Кавказу) указывает на следующие [7]:

- высокая степень анклавности (доминирование гор и предгорий, где преобладают изолированные малые и мельчайшие поселения, имеющие очень ограниченные хозяйственные связи с другими регионами);
- замкнутость, отсутствие развитых коммуникаций, высокие производственные и транспортные издержки;
- фрагментарность и малый размер местных рынков, низкий уровень доходов населения.

На Северном Кавказе, согласно оценкам [2], в этноэкономике за пределами индустриального сектора занято до 80 % автохтонного населения, производится около 20 % продукции растениеводства и 75 % – животно-

водства. Этническое предпринимательство, согласно [7], на Северном Кавказе составляет также основу и мелкотоварного сектора (доля которого в экономике макрорегиона достигает 54–56 %). Этноэкономика базируется на экстенсивной занятости на основе использования сырья (преимущественно аграрного), характеризуюсь доминированием трудозатратных производств (при жестких ограничениях по земле и капиталу). Ее отличительные черты:

- господство традиционных, преимущественно аграрных, форм хозяйственной деятельности;
- сочетание натуральных и мелкотоварных форм производства;
- использование кустарных ремесел и надомного труда [12].

Регионы Северного Кавказа – пример ареала доминирования этноэкономики, а также – традиционный объект внимания государства, что имеет под собой формальные основания: по уровню душевых доходов населения большинство субъектов здесь характеризовалось в 2014 г. показателем в 14–20 тыс. руб. при среднем по РФ показателе 27,8 тыс.; по душевому объему ВРП отставание от среднего по РФ было 3-кратным и более. Также в 2–3 раза по душевым показателям Северный Кавказ отставал в объеме инвестиций. Наиболее значимым было отставание в сборе налогов – без Ставропольского края СКФО обеспечивал поступление лишь 0,58 % налогов (при доле тех же регионов в населении 4,6 %). Единственная сфера, где показатели региона были относительно значимы, – сельское хозяйство (см. таблицу).

Материалы и методы. Таким образом, место государства в этноэкономических ареалах является весомым, однако механизмы влияния государства на траектории развития таких ареалов не являются однозначными. В статье обсуждается вопрос о формах государственного присутствия в этноэкономичес-

Доля регионов Северного Кавказа в социально-экономических показателях РФ, 2014 г., %

Регион	Валовой региональный продукт в 2013 г.	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами	Продукция сельского хозяйства	Ввод в действие общей площади жилых домов	Оборот розничной торговли	Инвестиции в основной капитал
Российская Федерация	100	100	100	100	100	100
Республика Дагестан	0,8	0,42	2,0	2,0	1,93	1,6
Республика Ингушетия	0,1	0,05	0,1	0,3	0,07	0,1
Кабардино-Балкарская Республика	0,2	0,26	0,8	0,4	0,38	0,2
Карачаево-Черкесская Республика	0,1	0,23	0,6	0,2	0,14	0,2
Республика Северная Осетия – Алания	0,2	0,22	0,6	0,2	0,35	0,3
Чеченская Республика	0,2	0,34	0,4	1,4	0,46	0,5
Ставропольский край	0,9	2,25	3,4	1,5	1,75	1,1

Примечание. Рассчитано по данным Росстата: [19].

ких ареалах, предпосылках и следствиях формирования дихотомии «дефицита – избытка» государственного присутствия в регионах рассматриваемого типа, а также пути оптимизации государственного регулирования. В качестве методов исследования применялась компаративистика российского и зарубежного опыта регулирования в этноэкономических ареалах, а также структуризация форм проявления обозначенной дихотомии.

Основные результаты. Дихотомия «избытка – недостатка» государства как фактор регионального развития формируется в обстоятельствах роста сложности структуры и функций государства, что обосновывается усложнением социальных взаимодействий и усилением «вызовов» и «угроз» развитию. Процессы расширения государства инвариантны экономической системе, и значимо проявляются в номинально «рыночных» экономиках. Так, по данным Heritage Foundation, 67,3 млн американцев, от студентов колледжей до ушедших на пенсию и живущих на социальные пособия, зависят от федерального правительства в вопросах жилья, питания, доходов, пособий учащимся и других форм помощи, хотя эти вопросы некогда считались ответственностью частных лиц, семей, местных общин, церквей и других институтов гражданского общества. Расходы на программы помощи, усиливающей зависимость от государства, в расчете на одного по-

лучателя такой помощи в США превышают чистый душевой доход [21; 23].

В этой связи важно подчеркнуть наличие объективных (обеспечивающих общесистемную эффективность) функций государства. К числу таковых мы, вслед за рядом авторов [16], относим: обеспечение сертификации частных прав собственности и защиты жизни и имущества с помощью принудительной силы закона, гарантирование конкурентности рынка, а также – обеспечение прозрачных и нейтральных в отношении различных категорий производителей и потребителей правил функционирования рынков. Значимым критерием исполнения государством своих функций является гарантия добровольности обменов субъектов экономики и достижение эффективности по Парето в рамках таких обменов.

Ключевой проблемой реализации данных объективных функций государства служит его реально складывающийся механизм, который формируется как процесс изъятия чего-либо у одного субъекта (налоги, включая инфляционный), и передачи этого затем другому субъекту (бюджетные расходы, субсидии), что создает отдельный процесс распределения и саму проблему распределения [18]. Таким образом, в данном случае формируется «провал государства», природа которого состоит в направлении активности государства не на *обеспечение* обменов, а на *принуждение* к

обменам или отсутствию обменов. Одновременно сфера собственно обеспечения обменов оказывается областью недостаточного внимания или *дефицита государства*.

Дефицит государства, в частности, имеет место в сфере создания условий развития рынков. Так, в республиках Северного Кавказа, где сталкиваются, с одной стороны, нормы адатной регуляции, с другой – нормы современной правовой системы европейского абстрактного права, формируется дефицит влияния государства в утверждении законодательных норм и правил, и, как следствие, – обострение таких проблем, как коррупция, недоверие инвесторов, слабая защита прав собственности и ограничение созидательного потенциала рыночных процессов [7].

Анализ институциональной среды российского Северного Кавказа [13] отмечает отсутствие полноценной защиты прав собственности и нормальной практики контроля над исполнением подписанных контрактов. Как следствие, у предпринимателей не возникает стимулов для инвестиций, поскольку права собственности не гарантированы. Наличие таких проблем подтверждается практикой покупки жителями республик недвижимости не в своих, а в соседних регионах, в том числе в городах Ставропольского и Краснодарского краев (Кисловодск, Пятигорск, Сочи, Туапсе, Анапа). Испытывают давление неформальных практик судебные институты; их решения до сих пор во многом зависят от позиций клановых и религиозных сообществ, от принадлежности сторон судебных споров к «титульной нации», что ограничивает использование как привлеченного, так и собственного инвестиционного потенциала. Одновременно только в первой половине 2013 г. на Северном Кавказе зафиксировано более 1 600 преступлений коррупционной направленности [10]. Как следствие затраты в виде «коррупционного налога» составляют в регионе 15–40 % цены продукции. К этому добавляется нагрузка в виде «социальной ответственности», когда для сохранения бизнеса предприниматели вынуждены брать на себя значительные объемы расходов на общественные нужды – ремонт дорог, поддержку спорта и т. д. В результате бизнес вынужден заниматься теневыми операциями, поскольку до-

биться приемлемой рентабельности в рамках законопослушного поведения невозможно [7; 8].

Вторым аспектом рассматриваемой проблемы является тренд, формально противоположный рассмотренной тенденции, однако в действительности являющийся ее логическим продолжением, а именно – *экспансия* (или избыток) *государства* – распространение его влияния в обществе и экономике. Сопряженность двух названных аспектов деятельности государства объясняется конечностью его административно-управленческих ресурсов, вследствие чего, если таковые направляются на *принуждение*, то тем самым остается меньше ресурсов для *обеспечения* обменов.

Избыток государства основывается на «ренте управления», когда услуги, продаваемые на рынке, перестают быть единственным источником доходов и богатства; поток государственных субсидий открывает путь к богатству через установление личного или группового контроля над сферой государственного управления [18]. Это обстоятельство служит ключевым фактором возникновения экспансии государства (доминирование субъективных элементов управления), что ведет к нарушению формальных процедур, формированию злоупотреблений в сфере государственного управления в процессе генерации «ренты управления».

«Избыток государства» по эффекту на экономику сравним с «голландской болезнью»: производственные виды деятельности становятся относительно менее маргинальными, тогда как перераспределение общественных ресурсов в рамках механизма государства становится более выгодным. Этот тренд актуален для РФ, где доходы чиновников всех без исключения регионов до начала настоящего кризиса превышали средние доходы по экономике *минимум* вдвое [19] (перед началом кризиса в Греции средняя зарплата госслужащего превышала среднюю заработную плату в частном секторе втрое [21]), а заработная плата российских парламентариев в 2016 г. превышает среднюю заработную плату в РФ в 11,5 раз.

Этноэкономические ареалы оказываются «естественным» компонентом системы перераспределения: численность работников государственных органов и органов местно-

го самоуправления в регионах СКФО в 2005–2014 гг. выросла с 69,5 до 143,7 тыс. чел. [19]; объем услуг сферы государственного управления и социального обеспечения составляет в республиках Северного Кавказа в среднем 10–12 % ВРП, в Чечне и Ингушетии – более 20 %, тогда как в среднем по России эта доля равна 2,9 %. Как следствие, если в среднем в России на 1 000 граждан приходится 1,8 государственных служащих, то в Ингушетии – 4,6, в Дагестане – 3,5, а в среднем по СКФО – 2,1 [7].

Аналогично в США в 1980 г. общий бюджет федеральных регулирующих органов насчитывал около 6,2 млрд долл., но к 1999 г. этот показатель вырос в 3 раза – до 18,5 млрд долл. [рост на 57 % в (неизменных) долларах базового периода (1982)]. Число сотрудников федеральных регулирующих органов по сравнению с 1980 г. увеличилось на 10 тыс. человек [5].

Сценарии реализации «избытка государства» в отношении этноэкономических ареалов. В целом можно говорить о *двух базовых сценариях* реализации «избытка государства».

I. «Ступенчатое вмешательство» предполагает цепочку регулирующих воздействий, где исходное регулирующее воздействие на рынок приводит к дестабилизации последнего, что трактуется как «провал рынка» и является основанием расширения регулирующего вмешательства для ликвидации «провала рынка». В [5] данный *кумулятивный механизм государственной экспансии* характеризуется кратко и емко: провальная политика расценивается как повод для очередного увеличения налогов, правительственных расходов, а также для введения мер государственного регулирования, призванных «решить» проблемы, которые, однако, возникли ввиду предыдущего вмешательства государства.

Но если данный механизм может быть охарактеризован как произвольное следствие регулирования, второй имеет основание в виде интересов собственно бюрократического аппарата, а также – «групп специальных интересов», использующих этот аппарат в своих целях (причем такие группы могут носить как отраслевой, так и территориальный характер).

II. Бюрократическая рента представляет собой стимул и механизм экспансии государства в форме регулирования рынков, что приносит нестабильность в экономику, примеры чего дают «рыночные» экономики.

II.1. Соискание ренты собственно бюрократическим аппаратом. Здесь упомянем практику США², где действует несколько тысяч инструкций Комиссии по биржам и ценным бумагам; Федеральная торговая комиссия претендует на полномочия по регулированию фактически всех сфер деловой деятельности, заканчивая способом маркировки апельсинового сока; налоговое управление требует ведения бухгалтерских книг даже самыми мелкими предприятиями; управление охраны труда, которое не оказало никакого заметного воздействия на уровень безопасности труда, внедрило более 4 000 предписаний. Многие корпорации запуганы диктаторскими полномочиями Управления по охране окружающей среды; землепользование регламентируется федеральным правительством, правительствами штатов и местными органами власти.

В рамках данного «потока» представляется возможным говорить о *преднамеренной политике расширения административного контроля* над рынком и обществом: так, Министерство торговли США публикует ложную статистику о масштабах бедности с целью «обосновать», например, рост налогов под предлогом их распределения в пользу «малоимущих»: ведомство не вычитает налоги с объявленной прибыли более состоятельных американцев, искусственно завышая их доходы, и не учитывает социальные выплаты «малоимущим», что позволяет искусственно снизить их доход [21].

Как об этом говорится в [5], *шантаж и вымогательство являются неотъемлемыми признаками современного процесса государственного регулирования*: политические «предприниматели» угрожают правовыми и нормативными актами, которые позволят ввести регулирование цен, либо вызовут увеличение затрат (что в обоих случаях обеспечит снижение размеров прибыли), если «намеченные» компании и отрасли не рассчитаются с политиками посредством отчислений в фонд избирательных кампаний или иными выплатами.

В [21] упоминается, что члены конгресса США накапливают богатства примерно на 50 % быстрее: как отмечает Дж. Швейцер, в 2004–2006 гг. они увеличили собственные капиталы в среднем на 84 % (рост также продолжился в кризис). Изучение 4 тысяч совершенных сенаторами сделок с акциями показало, что доходность этих сделок превосходит среднерыночный уровень доходности на 12 % [26]. «Очень многие вашингтонские законодатели приходят в конгресс людьми скромного достатка и покидают его миллионерами», – говорит Швейцер. Распространена и практика предпочтений компаниям, финансирующим выборы кандидатов в президенты.

II. II. Вторым аспектом экспансии государства выступает соискание административной ренты *посредством* бюрократии группами интересов, использующими монополию государства на насилие (то есть его эксклюзивную способность адресного перераспределения ресурсов «в свою пользу»).

В качестве соискателя ренты можно назвать сферу, традиционно рассматриваемую как механизм развития периферийных территорий (в том числе российского Северного Кавказа), а именно – малый бизнес. Помощь МСП предоставляется в виде льготных кредитов, грантов, информационной поддержки и консультаций для предпринимателей. Однако в [1] подчеркивается отсутствие убедительных объяснений тому, почему должна приветствоваться эксклюзивная помощь МСП. ВВ причинами этого называет то, что: бизнес в бедных странах представлен преимущественно малыми предприятиями, развитие малого бизнеса может помочь бедному населению выбраться из нищеты, и – малый бизнес вынужден работать в более трудных условиях, чем крупный бизнес [1]. Из информации ВВ можно сделать вывод, что поддержка МСП рассматривается как способ прямой помощи бедному населению. ООН относит к малым предприятиям те, где занято 5–50, а к средним – 51–500 чел., но владелец компании с числом работников до 500 чел. вряд ли может быть причислен к бедному населению.

Риском искусственной поддержки МСП является поддержка относительно менее производительного сектора: МСП, как правило, имеют больше работников на единицу продук-

ции по сравнению с крупными компаниями, где объем трудовых ресурсов на единицу готовой продукции, как правило, ниже, но заработная плата – выше, а условия труда – лучше. Искусственное наращивание числа МСП может вести к общему понижению уровня заработной платы [1].

Так, например, в Кабардино-Балкарии отмечается сокращение производства картофеля и переход к его преимущественно натуральному производству, распыление посевов по мелким хозяйственным единицам, не способным использовать достижения научно-технического прогресса [9]. В целом здесь можно вести речь о связи мелкотоварности и ограниченности применения передовых методов хозяйства. При этом мелкотоварность именно этноэкономического сегмента является правилом. Так, среди КФХ и индивидуальных предпринимателей республики наиболее распространенной является площадь обрабатываемых земель до 3 га. Таковую площадь имеют более 60 % хозяйств и ИП, 18,1 % хозяйств обрабатывают площадь до 10 га. Площадь от 1 000 га обрабатывают всего два хозяйства и свыше 2 000 га – одно. Наибольшая доля органических удобрений вносится в хозяйствах с площадью сельскохозяйственных угодий до 3 га и – с 11 до 20 га. Но выбор органических удобрений обусловлен не экологическими приоритетами, а отсутствием средств на удобрения (как и на увеличение возделываемой арендной площади). Доля площадей, под которые внесены минеральные удобрения, среди КФХ и ИП Кабардино-Балкарии составляет 36,7–48,8 %, за исключением ряда хозяйств. Органические удобрения в этой категории хозяйств вносятся в очень ограниченных количествах, а доля удобренных земель не превышает 9,3 % общей площади сельхозугодий [4].

Поддержка МСП по причине того, что они в первую очередь страдают от сложных условий ведения бизнеса, является важным аргументом в пользу экспансии государства, однако одновременно таковая служит и иллюстрацией исследуемой дилеммы «избытка – недостатка» государства. В частности, весьма распространенным является недостаток кредитов МСП в силу отсутствия залогов. Однако причиной этого, также на примере Кабардино-Балкарии, можно назвать именно институциональ-

ный дефицит (отсутствие принятого и законодательно закреплённого механизма перераспределения прав собственности) в сфере земельных отношений. Так, в регионе существует мораторий на приватизацию земли, связанный с неурегулированностью вопросов собственности. В настоящее время в республике все сельскохозяйственные земли переданы в муниципальные органы самоуправления. Сельскохозяйственные предприятия, КФХ и иные предприятия берут землю в аренду [7]. Однако такая ситуация не позволяет включать земельный надел в рыночный оборот или предлагать в качестве залога.

Характерно, что МСП как «группа интересов» может образовывать симбиоз с государством, где поддержка сектору оказывается в рамках политической компании. Традиционен большой потенциал именно крупных агрохолдингов в получении льгот и субсидий. Однако обилие мелких агропроизводителей может породить поток льгот, используемый как политический инструмент: так, сельскохозяйственное лобби имеет политическое влияние в рядах Либерально-демократической партии Японии; а политический голос агропромышленного лобби усилен самой избирательной системой: голосование в малонаселённых сельских районах имеет больший вес, чем голосование в городских районах. Это привело к принятию огромного количества квот на импорт и программ поддержания цен в Японии [15].

Иным примером деятельности «групп интересов» в связи с развитием периферийных территорий является введение в США так называемого Закона о реинвестировании общественных групп (ЗРОГ). Закон был принят в 1978 г. под предлогом того, что банки выдают меньше займов жителям менее зажиточных районов не потому, что в них проживает меньше кредитоспособных заемщиков, а по причине «дискриминации» жителей подобных районов, преимущественно чернокожих. В этой связи в США возникла целая индустрия «общественных групп», таких как Центр общественных перемен или «Ассоциация общественных групп, выступающих за немедленные реформы», которые, по сути, вымогают деньги у банков под угрозой препятствования их деятельности (заключению сделок по сли-

янию или расширению бизнеса). Такие группы часто предъявляют жалобы и не отзывают их до тех пор, пока банки не передадут им или группам, на которые они укажут, крупные суммы, подчас – десятки миллионов долларов. Так, Американское объединение соседской взаимопомощи (АОСВ) «выиграло» обязательства выдать кредиты на общую сумму в 3,8 млрд долл. у корпорации *Bank of America*, корпорации *First Union*, финансовой группы *Fleet* лицам, пользующимся расположением АОСВ [5].

III. Экспансия на стыке ступенчатого вмешательства и соискания бюрократической ренты. Здесь можно упомянуть региональную политику, часто реализуемую в форме выравнивания социально-экономического развития регионов, включая этноэкономические ареалы. Развитые страны имеют структурированную (по программам и институтам) систему мер поддержки территорий, отстающих в том или ином отношении. Среди таких территорий значимое место занимают этноэкономические ареалы, например, – в Канаде, Швеции, США, ЕС [12].

В России, с ее обилием регионов, значительно различающихся по социально-экономическим параметрам и формам организации жизни, как ни парадоксально, региональная политика отсутствует. Характеризуя сложившуюся практику, А. Швецов [22] отмечает, что действия федеральной власти в сфере регионального и местного развития так и не обрели качества системной целостности, что дало бы основания квалифицировать их как полноценную региональную политику. На отсутствие целостного государственного подхода указывает и В.Н. Лексин [11]. Сама методологическая платформа оценки пространственной региональной дифференциации регионов РФ (как база региональной политики) также подвергается разносторонней и справедливой критике (см.: [3] и др.). Как следствие, расчеты демонстрируют как минимум ограниченность результатов «выравнивания» в ряде развитых стран, а также в ЕС [17].

В отношении этноэкономических ареалов иллюстрацией является практика помощи индейцам в США. Дж. Стоссел пишет: «Ни одной другой группе населения правительство США не оказывало больше “помощи”, чем

американским индейцам. Правительство сделало резервации большинства индейских племен государственными территориями, оказывает им медицинские услуги, платит за жилье индейцев и уход за их детьми. У 20 разных министерств и государственных ведомств есть особые «индейские» программы. Результатом всей этой помощи стали самые высокие уровни бедности и самая низкая ожидаемая продолжительность жизни у индейцев. Дж. Стоссел противопоставляет эту унылую картину истории индейцев-ламби (Северная Каролина). Это племя никогда не получало государственной помощи, поскольку федеральное правительство не признало их «племенем», но сегодня ламби владеют своими жилищами и преуспевают в бизнесе. В их числе – владельцы Sacramento Kings и Cracker Barrel Restaurants. Ламби учредили первый принадлежащий индейцам банк, который имеет 12 филиалов. В округе Робсон отсутствуют традиционные для резерваций казино, однако имеют место дома в стиле английских усадеб [21; 27].

В свою очередь, жители Аппалачей отмечали, что причиной неудачи государственных программ ликвидации бедности был недостаток средств. Совсем наоборот: Денис Хоффман, 46-летний фермер, считает: «Война с бедностью – самое плохое из того, что случалось с Аппалачами. Она дала людям возможность сводить концы с концами, не работая». Исчезла необходимость зарабатывать на жизнь [24].

Региональная политика также часто оказывается далека от социальной справедливости: так, стимулирующие выплаты в расчете на душу населения с марта по декабрь 2009 г. были в 2 раза больше в пяти наименее густонаселенных штатах США, чем в остальной Америке. Симптоматично, что эти пять штатов контролируют 10 % сената, хотя в них проживает лишь 1,2 % населения. Напротив, за последние двадцать лет душевое транспортное финансирование десяти наиболее населенных штатов было вдвое меньше, чем финансирование десяти наименее населенных штатов [21].

Схожа с рассматриваемой ситуация на российском Северном Кавказе: по образному выражению Р. Абдулатипова, «Дагестан кор-

мили, но не лечили. Дагестан кормили, но не развивали. Фактически невозможно найти ни одного института, ни одного источника, который работал бы на развитие Республики. Следовательно, мы приходим к выводу, что нужен совершенно новый формат развития» [7]. За 10 лет из федерального бюджета по различным каналам в регионы Северного Кавказа было направлено 800 млрд рублей. Однако «кардинально изменить характер региональной экономики не удалось»; принимаемые «Стратегии» и «Программы» социально-экономического развития российского Кавказа реализуются лишь частично, нередко превращаясь в «пылесос» бюджетных ресурсов. Попытки увеличения числа новых рабочих мест в целях борьбы с безработицей в северокавказских республиках также оказались неэффективны; перспектива превратиться в «синих воротничков» на промышленном предприятии не впечатляет молодежь Северного Кавказа [7].

В этноэкономических ареалах РФ данные процессы нивелируют роль государства, поскольку создаваемые институты развития регионов Северного Кавказа превращаются в инструмент поддержки приближенных к власти хозяйствующих субъектов, действующих в традиционных для региона секторах экономики. В этом случае субсидии и льготы, предоставляемые государством на федеральном и региональном уровнях, стимулируют не столько инновационное развитие, сколько традиционные, не связанные с какими-либо серьезными рисками виды производства [7].

Выводы. Рассмотренные механизмы реализации государством своих функций сегодня, как показано выше, формируют систему с положительной обратной связью: как «избыток», так и «дефицит» государства действуют в одном направлении, не позволяя трансформировать периферийную модель развития. Преобладающие механизмы актуальной государственной политики исходят из концепции периферийности как следствия недостатка инвестиций (и, соответственно, – задачи насытить экономики регионов трансфертными ресурсами и государственными инвестициями). Такая стратегия сталкивается с рисками формирования внеэкономического потока прибыли, что порождает соискание

бюрократической ренты. В этих условиях сбалансированная стратегия государства в отношении этноэкономических ареалов, с учетом их внутреннего потенциала, могла бы складываться из ряда компонентов. Так, обладая ресурсами, формально направленными на решение задач развития, государство обязано обеспечить их фактическое использование в таком ключе. В частности, важно расширение доступа субъектов малого предпринимательства на рынок государственных и муниципальных закупок. Сегодня данная сфера является объектом разнообразных злоупотреблений: тендерные проблемы характерны практически для всех регионов России [6], причем количество нарушений в этой сфере увеличивается: с 2015 г. наблюдается значительный рост выявленных сговоров на торгах. Распространенные нарушения – создание техзаданий под конкретного поставщика или участие подставных компаний. Требование о том, что государственные и муниципальные заказчики обязаны 15 % закупок осуществлять у МП, формально соблюдается, но на практике крупные контракты часто делятся еще до проведения конкурсов, а требования об обязательном участии малых предприятий обходятся путем создания собственных ИП и МП.

Преодоление «дефицита государства» в области доступа МСП к госзаказу важно, поскольку решает проблему доступа к финансированию сегмента бизнеса, максимально представленного в этноэкономических ареалах РФ. Этот подход способен отчасти смягчить и проблему недостатка, дороговизны кредитов для МСП, а также отсутствие у них залогов. При этом непродуктивным следует признать субсидирование кредитов, или иное искусственное стимулирование, то есть «развитие» (выделение бюджетных средств по нерыночным критериям) отдельных сфер (малое инновационное предпринимательство, бизнес-инкубаторы, технопарки, проч.), поскольку спрос здесь создается со стороны государства (а не со стороны рынка) как главного инвестора таковых проектов.

Ликвидация «дефицита государства» в части создания механизмов развития состоит, в частности, в формировании институциональной базы расширения кооперации. Система кредитной кооперации в этноэкономичес-

ких ареалах важна, поскольку также могла бы стать альтернативой государственному инвестированию. В собственно производственной сфере кооперация позволяет изжить такие недостатки этноэкономического сегмента, часто аграрного и мелкотоварного, как маленькие размеры земли, низкий стартовый капитал, отсутствие специально подготовленных менеджеров (такую роль может выполнять глава семейства, далеко не всегда имеющий специальное образование; также фермерам довольно трудно самостоятельно реализовать, сохранить или переработать продукцию). В перспективе сельхозкооперативы могут наладить сбыт конечной продукции, обеспечить переработку и хранение сырья, укрепить производственную, материально-техническую базу, способствовать внедрению инновационных технологий, повысить производительность труда и доходы [20].

Актуальным механизмом устранения «избытка» государства следует признать инвентаризацию мер административного контроля и регулирования, выявление функций государства, эффект которых не доказан с учетом затрат на реализацию таких мер (содержание бюрократического аппарата, разработка, реализация и контроль мер регулирования). Наконец, этническая составляющая представляется важным механизмом активизации нераспределительных стратегий экономического поведения с учетом традиций формирования ячеек взаимопомощи. В отсутствие распределительного потока, искажающего межличностные и межгрупповые взаимодействия, возможно более полное использование потенциала общин в коллективном решении проблем территорий, не обладающих достаточным потенциалом конкуренции по рыночным критериям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Проект № 15-02-00200 «Хозяйственные практики народов Северного Кавказа: этноэкономика – век XXI».

² Отметим, что сравнительно меньшее число примеров из российской практики объясняется не иной ситуацией, а лишь значимо меньшим объемом исследования в таком контексте в условиях распространения этатизма как исходного методологического основания анализа экономических процессов в РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсон, Р. Просто не стой на пути. Как государство может помочь бизнесу в бедных странах / Р. Андерсон. – М. : Мысль, 2012. – 379 с.
2. Белозеров, В. С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе / В. С. Белозеров. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2000. – 156 с.
3. Глушенко, К. П. Об оценке межрегионального неравенства / К. П. Глушенко // *Пространственная экономика*. – 2015. – № 4. – С. 2–12.
4. Гукежева, Л. З. Состояние и тенденции развития крестьянских (фермерских) хозяйств в КБР / Л. З. Гукежева, Н. Х. Каирова // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. – 2012. – № 1. – С. 48–57.
5. Дилоренцо, Т. Внезапные нападения регулирующих ведомств / Т. Дилоренцо // *Маэстро бума. Уроки Японии*. – Челябинск : Социум, 2003. – С. 239–261.
6. «Заряженные сделки» // *Российская газета – Экономика Юга России*. – 2016. – 12 июля [№ 7019(151)].
7. Колесников, Ю. С. Проблемы модернизации периферийной экономики российского Кавказа / Ю. С. Колесников // *Проблемы прогнозирования*. – 2014. – № 4. – С. 99–107.
8. Кувалин, Д. Б. Экономическая политика и поведение предприятий: механизмы взаимного влияния / Д. Б. Кувалин. – М. : МАКС-Пресс, 2009. – 347 с.
9. Кучменов, А. Ю. Проблемы развития отрасли картофелеводства в АПК Кабардино-Балкарской Республики / А. Ю. Кучменов // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. – 2012. – № 2. – С. 135–140.
10. Латухина, К. На кавказском направлении / К. Латухина // *Российская газета – Федеральный выпуск*. – 2013. – № 6178 (202).
11. Лексин, В. Н. К методологии исследования и регулирования процессов территориального развития / В. Н. Лексин // *Регион: экономика и социология*. – 2009. – № 3. – С. 12–24.
12. Овчинников, В. Н. Силуэты региональной экономической политики на Юге России / В. Н. Овчинников, Ю. С. Колесников. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2008. – 237 с.
13. Овчинников, В. Н. Этноэкономика как фактор развития / В. Н. Овчинников, Ю. С. Колесников // *Проблемы прогнозирования*. – 2006. – № 1. – С. 118–123.
14. Овчинников, О. Г. Современные проблемы депрессивных сельских районов США и пути их решения / О. Г. Овчинников // *США – Канада. Экономика, политика и культура*. – 2008. – № 9. – С. 107–127.
15. Пауэлл, Б. Объяснение японской рецессии / Б. Пауэлл // *Маэстро бума. Уроки Японии*. – Челябинск : Социум, 2003. – С. 108–129.
16. Радыгин, А. Д. «Провалы государства»: теория и политика / А. Д. Радыгин, Р. М. Энтов // *Вопросы экономики*. – 2012. – № 12. – С. 4–30.
17. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / под ред. А. В. Кузнецова, О. В. Кузнецовой. – М. : ИМЭМО РАН, 2015. – 137 с.
18. Ротбард, М. Власть и рынок / М. Ротбард. – Челябинск : Социум, 2010. – 418 с.
19. Сайт Росстата. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm. – Загл. с экрана.
20. Тамахина, Л. Ф. Кооперация – путь к успешному развитию сельского хозяйства Кабардино-Балкарской Республики / Л. Ф. Тамахина, А. Я. Тамахина // *Известия Оренбургского государственного аграрного университета*. – 2015. – № 3. – С. 289–292.
21. Форбс, С. Манифест свободы / С. Форбс, Э. Эймс. – М. : Азбука-Бизнес : Азбука-Аттикус, 2014. – 352 с.
22. Швецов, Л. Государственная региональная политика: хронические проблемы и актуальные задачи системной модернизации / Л. Швецов // *Российский экономический журнал*. – 2007. – № 11–12. – С. 20–61.
23. Beach, W. The 2012 Index of Dependence on Government / W. Beach, P. Tyrell // *Special Report #104, The Heritage Foundation*. – February 8, 2012. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.heritage.org/research/reports/2012/02/2012-index-of-dependence-on-government>. – Title from screen.
24. Janofsky, M. Pessimism Retains Grip on Appalachian Poor / M. Janofsky // *New York Times*. – February 9, 1998. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/1998/02/09/us/pessimism-retains-grip-on-appalachian-poor.html> Ppagewanted=all. – Title from screen.
25. Lewis, M. Beware of Greeks Bearing Bonds / M. Lewis // *Vanity Fair*. – October 1, 2010. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.vanityfair.com/business/features/2010/10/greeks-bearing-bonds-201010>. – Title from screen.
26. Schweizer, P. Throw Them All Out / P. Schweizer. – Orlando, FL : Houghton Mifflin Harcourt, 2011. – P. XVII.
27. Stossel, J. Government Creates Poverty. Reason Foundation / J. Stossel. – Electronic text data. – Mode of access: <http://reason.com/archives/2011/04/28/government-creates-poverty> (date of access: 28.04.2011). – Title from screen.

REFERENCES

1. Anderson R. *Prosto ne stoy na puti. Kak gosudarstvo mozhet pomoch biznesu v bednykh stranakh* [Just Do Not Get in the Way. How the State Can Help Business in Poor Countries]. Moscow, Mysl Publ., 2012. 379 p.
2. Belozerov V.S. *Etnodemograficheskie protsessy na Severnom Kavkaze* [Ethnodemographic Processes in the North Caucasus]. Stavropol, Izd-vo SGU, 2000. 156 p.
3. Glushchenko K.P. Ob otsenke mezhrayonnogo neravenstva [About an Assessment of Interregional Inequality]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2015, no. 4, pp. 2-12.
4. Gukezheva L.Z., Kairova N.Kh. Sostoyanie i tendentsii razvitiya krestyanskikh (fermerskikh) khozyaystv v KBR [Conditions and Tendencies of Farms Development in Kabardino-Balkaria]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra*, 2012, no. 1, pp. 48-57.
5. Dilorentso T. Vnezapnye napadeniya reguliruyushchikh vedomstv [Sudden Attacks of the Regulating Departments]. *Maestro buma. Uroki Yaponii* [The Maestro of Boom. Lessons of Japan]. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2003, pp. 239-261.
6. "Zaryazhennye sdelki" ["The Loaded Transactions"]. *Rossiyskaya gazeta – Ekonomika Yuga Rossii*, 2016, 12 July, no. 7019 (151).
7. Kolesnikov Yu.S. Problemy modernizatsii periferiynoy ekonomiki rossiyskogo Kavkaza [Problems of Modernization of Peripheral Economy of the Russian Caucasus]. *Problemy prognozirovaniya*, 2014, no. 4, pp. 99-107.
8. Kuvalin D.B. *Ekonomicheskaya politika i povedenie predpriyatiy: mekhanizmy vzaimnogo vliyaniya* [Economic Policy and Behavior of the Enterprises: Mechanisms of Mutual Influence]. Moscow, MAKS Press, 2009. 347 p.
9. Kuchmenov A.Y. Problemy razvitiya otrasli kartofelevodstva v APK Kabardino-Balkarskoy Respubliki [Problems of Development of Potato Growing Branch in Agrarian and Industrial Complex of Kabardino-Balkar Republic]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2012, no. 2, pp. 135-140.
10. Latukhina K. Na kavkazskom napravlenii [On the Caucasian Direction]. *Rossiyskaya gazeta – Federalnyy vypusk*, 2013, no. 6178 (202).
11. Leksin B.N. K metodologii issledovaniya i regulirovaniya protsessov territorialnogo razvitiya [To Methodology of Research and Regulation of Territorial Development Processes]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2009, no. 3, pp. 12-24.
12. Ovchinnikov V.N., Kolesnikov Yu.S. *Siluety regionalnoy ekonomicheskoy politiki na Yuge Rossii* [Silhouettes of Regional Economic Policy in the South of Russia]. Rostov-on-Don, South Federal University Publ., 2008. 237 p.
13. Ovchinnikov V.N., Kolesnikov Yu.S. Etnoekonomika kak faktor razvitiya [Ethno-Economy as a Development Factor]. *Problemy prognozirovaniya*, 2006, no. 1, pp. 118-123.
14. Ovchinnikov O.G. Sovremennyye problemy depressivnykh selskikh rayonov SShA i puti ikh resheniya [Modern Problems of Depressive Rural Districts of the USA and Ways of Their Solution]. *SShA-Kanada. Ekonomika, politika i kultura* [USA-Canada. Economy, Policy and Culture], 2008, no. 9, pp. 107-127.
15. Pauell B. Obyasnenie yaponskoy retsessii [Japanese Recession Explanation]. *Maestro buma. Uroki Yaponii* [The Maestro of Boom. Lessons of Japan]. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2003, pp. 108-129.
16. Radygin A.D., Entov R.M. «Provaly gosudarstva»: teoriya i politika ["Failures of the State": Theory and Policy]. *Voprosy ekonomiki*, 2012, no. 12, pp. 4-30.
17. *Regionalnaya politika: zarubezhnyy opyt i rossiyskie realii* [Regional Policy: Foreign Experience and Russian Realities]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2015. 137 p.
18. Rotbard M. *Vlast i rynek* [Power and Market]. Moscow; Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2010. 418 p.
19. *Rosstat* [Russian State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_14p/Main.htm.
20. Tamakhina L.F., Tamakhina A.Ya. Kooperatsiya – put k uspešnomu razvitiyu selskogo khozyaystva Kabardino-Balkarskoy Respubliki [Cooperation – a Way to Successful Development of Agricultural Industry of Kabardino-Balkar Republic]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2015, no. 3, pp. 289-292.
21. Forbs S., Eims E. *Manifest svobody* [Manifesto of Freedom]. Moscow, Azbuka-Biznes, Azbuka-Attikus Publ., 2014. 352 p.
22. Shvetsov L. Gosudarstvennaya regionalnaya politika: khronicheskie problemy i aktualnye zadachi sistemnoy modernizatsii [Public Regional Policy: Chronic Problems and Relevant Tasks of System Modernization]. *Rossiyskiy ekonomicheskij zhurnal*, 2007, no. 11-12, pp. 20-61.
23. Beach W., Tyrell P. The 2012 Index of Dependence on Government. *Special Report #104, The Heritage Foundation, February 8, 2012*. Available at: <http://www.heritage.org/research/reports/2012/02/2012-index-of-dependence-on-government>.
24. Janofsky M. "Pessimism Retains Grip on Appalachian Poor". *New York Times, February 9, 1998*. Available at: <http://www.nytimes.com/1998/02/09/us/pessimism-retains-grip-on-appalachian-poor.html> Ppagewanted=all.
25. Lewis M. Beware of Greeks Bearing Bonds. *Vanity Fair, October 1, 2010*. Available at: <http://>

www.vanityfair.com/business/features/2010/10/greeks-bearing-bonds-201010.

26. Schweizer P. *Throw Them All Out*. Orlando, FL, Houghton Mifflin Harcourt, 2011, p. XVII.

27. Stossel J. *Government Creates Poverty*. Reason Foundation. April 28, 2011. Available at: <http://reason.com/archives/2011/04/28/government-creates-poverty>.

ETHNO-ECONOMIC AREAS: DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF THE DILEMMA OF “EXCESS – SHORTAGE” OF THE STATE

Nikolay Vladimirovich Gontar

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor,
Leading Researcher,
Southern Federal University
passat01@mail.ru
Pushkinskaya St., 160, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the problems of development of ethno-economic areas as the socio-economic systems, with a special type of economic practice and social interaction. In many ways, the peripheral status of the territory determines the increased value of the state here. Measures of state regulation in ethno-economic habitats acquire the character of the dichotomy of “excess-shortage (deficit) of the state”. In sum both processes form the cumulative effect of fixing the peripheral status of ethno-economic areas. The mechanisms of this process are the purpose of the study. Through comparative studies of Russian and foreign experience the author analyzes scenarios of “excess state” against ethno-economic areas, such as a stepped intervention; bureaucratic rent (where there are two possible strategies – scientific rents, actually bureaucracy and competition rents by bureaucracy); expansion at the intersection of these vectors intervention. The analysis results can be used for the purposes of public resources management optimization within the public sector in ethno-economic habitats. In the context of the optimization problem of the state policy in relation to ethno-economic areas as measures like leveling excess state and compensating the deficit in the areas most important for such areas, the author proposes: the objectification of SMEs’ access to public contracts, creation of conditions for cooperation in the industrial, financial and credit field while eliminating subsidies and distribution practices (that generates a bureaucratic rents and leads to the formation of “excess state”). It is also relevant to examine the effectiveness of control measures on the basis of cost-benefit analysis of consumer demand for such measures. As part of the management of public funds (staff costs, efficiency) the evaluation of management efficiency on the basis of comparative studies on a commercial asset management companies is possible. It is also proposed to use the ethnic characteristics of the collective interaction as a compensation for the current market weakness habitat data.

Key words: ethnic economy, ethno-economic areas, state regulation, social and economic development, North Caucasus.